

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 711.112:31

DOI: 10.24412/1998-4839-2025-4-267-280

EDN: WPEESW

Социальные факторы субъективного восприятия территории как депрессивной

Денис Владимирович Анисимов^{1✉}, Анастасия Денисовна Морковина²

¹Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

¹anisimov.arch@gmail.com ²anastasiamorkovina@yandex.ru

Аннотация. В работе исследуется влияние социально-демографических закономерностей на восприятие факторов территориальной депрессивности. В опросе приняло участие 500 испытуемых, средний возраст которых составил 25 лет. Социологический опрос выступает в качестве методики, позволяющей определять показатели ощущения жителями территориальной депрессивности и диагностировать зависимости визуального восприятия от социальных критериев субъекта. Полученные результаты подтвердили состоятельность социологического опроса как инструмента для определения того, что именно считается депрессивным в городской среде, а также состоятельность факторного анализа.

Ключевые слова: депрессивная территория, восприятие среды, социологический опрос, социальные факторы депрессивности

Для цитирования: Анисимов Д.В. Социальные факторы субъективного восприятия территории как депрессивной / Д.В. Анисимов, А.Д. Морковина // Architecture and Modern Information Technologies. 2025. №4(73). С. 267-280. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2025/4kvart25/PDF/18_anisimov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2025-4-267-280 EDN: WPEESW

TOWN-PLANNING AND URBAN DESIGN STUDIES

Original article

Social factors of subjective perception of the territory as depressive

Denis V. Anisimov^{1✉}, Anastasia D. Morkovina²

¹Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

¹anisimov.arch@gmail.com ²anastasiamorkovina@yandex.ru

Abstract. The paper examines the influence of socio-demographic patterns of perception of factors of territorial depression. 500 subjects took part in the survey; the average age was 25 years. This questionnaire acts as a technique to determine the indicators of residents' feeling of territorial depression and diagnose the dependence of visual perception on the social criteria of the subject. The results confirmed the validity of the methodology and the questionnaire as a tool for determining what exactly is considered depressive in an urban environment and the validity of factor analysis.

Keywords: depressive territory, perception of the environment, sociological survey, social factors of depression

For citation: Anisimov D.V., Morkovina A.D. Social factors of subjective perception of the territory as depressive. Architecture and Modern Information Technologies, 2025, no. 4(73),

Введение

Проблематика территориальной депрессивности в последние годы приобретает особую актуальность в контексте интенсификации процессов урбанизации и формирования новых типов взаимодействия человека с городской средой. Как отмечают исследователи, «нисходящие факторы восприятия – смысловые характеристики воспринимаемой среды, психологические установки наблюдателя и его исходного состояния – могут оказывать существенное влияние на эффекты восприятия окружения индивидуумом» [1].

В социологической традиции понятие «депрессивная территория» первоначально применялось для обозначения районов с устойчиво низкими социально-экономическими показателями, высоким уровнем безработицы и деградацией производственной инфраструктуры. Однако современное понимание территориальной депрессивности выходит за рамки экономических индикаторов, включая субъективные аспекты восприятия городской среды как фрустрирующей, эмоционально неблагоприятной или утратившей свою функциональность. Социология пространства предлагает рассматривать территорию как социально сконструированное пространство, наделенное символическими значениями и социальными смыслами [2]. В рамках этого подхода территориальная депрессивность понимается как результат взаимодействия объективных характеристик среды с социокультурными механизмами их интерпретации [3].

Восприятие городской среды представляет собой сложный психосоциальный процесс, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. «Окружающая среда органично включена в жизнедеятельность человека и служит важным фактором регуляции его поведения» [4]. При этом субъективное восприятие пространства формируется через призму социальной идентичности, культурных установок и личностного опыта взаимодействия с городской средой [5]. Исследования показывают, что представители различных социально-демографических групп по-разному интерпретируют одни и те же элементы городской среды [6]. При этом объективные показатели развития региона не всегда коррелируют с субъективным восприятием жителей.

Выделяется несколько подходов к восприятию пространства. Концепция «права на город» подчеркивает важность участия граждан в производстве и воспроизводстве городского пространства [7]. Теория социального пространства П. Бурдьё позволяет анализировать территориальную депрессивность как проявление символического доминирования, когда определенные пространства стигматизируются и воспринимаются как маргинальные [8]. Это особенно актуально для анализа восприятия промышленных территорий, заброшенных зданий и депрессивных районов.

Особое значение в социологии территориальной депрессивности приобретают исследования молодежных практик освоения городского пространства. Как показывают исследования, молодежь активно участвует в переосмыслении и трансформации депрессивных территорий через создание альтернативных форм использования пространства [5].

Целью данного исследования является создание основы для дальнейшей разработки диагностических инструментов, а также для практических рекомендаций в области урбанистики, социальной психологии и проектирования комфортной городской среды.

Материалы и методы

Характеристика выборки. В исследовании принимали участие 500 респондентов: 25% – мужчины, 75% – женщины. Возраст респондентов составил от 18 до 52 лет, средний возраст – 25 лет. Опрос проводился в следующих типах населенных пунктов Российской Федерации: сверхкрупные города (свыше 3 млн человек), крупные города (от 250 тыс. до 1 млн человек), большие города (от 100 до 250 тыс. человек), средние города (от 50 до 100 тыс. человек), малые города (до 50 тыс. человек), поселки городского типа, деревни и села.

Процедура исследования. Для достижения поставленных задач был применен метод онлайн-анкетирования на добровольной и анонимной основе. Исследование проводилось в октябре 2024 года. Использовался социологический опрос, состоящий из двух блоков. Первый блок включал социологические вопросы для формирования портрета испытуемого. Второй блок включал десять изображений, условно разделённых на «депрессивные» и «нормальные» территории на основании качественного анализа среды на изображении. Учитывалось состояние застройки, визуальный шум, отсутствие ограничений для доступа, количество общественных территорий и их обустроенность. Оценивание осуществлялось представителями различных социальных групп по шкале от 1 до 10, где «1» соответствовало максимально депрессивному восприятию, а «10» – максимально позитивному.

Для проверки пригодности данных к факторному анализу использовались коэффициент КМО³ и критерий сферичности Бартлетта⁴. В качестве метода выделения факторов применялся метод главных компонент, а для уточнения структуры латентных переменных – метод вращения Облимин⁵ с нормализацией Кайзера⁶. Такой подход позволил выявить факторные интерпретации, отражающие различия в восприятии территориальной депрессивности между социальными группами, а также выделить ключевые характеристики, наиболее значимые для оценки пространственной среды.

Результаты исследования

Надежность исследования и применимость факторного анализа подтверждают КМО и критерий Бартлетта⁷ (табл. 1).

Таблица 1. КМО и критерий Бартлетта

Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО)		,746
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат ⁸	1689,635
	Степени свободы	55
	Значимость	,000

³ КМО (мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина) используется для проверки пригодности данных для проведения факторного анализа. Она оценивает, насколько малы частные корреляции между переменными.

⁴ Критерий сферичности Бартлетта также используется для проверки данных для факторного анализа. Он проверяет нулевую гипотезу о том, что корреляционная матрица является единичной. Если гипотеза подтверждается, то данные не пригодны.

⁵ Облимин (Oblimin) – метод вращения факторов в факторном анализе, реализующий косоугольное (неортогональное) вращение. Цель – упростить интерпретацию факторов, позволяя им коррелировать, что отражает реальную природу данных.

⁶ Нормализация Кайзера (критерий Кайзера) – метод факторного анализа, позволяющий отбирать факторы с собственными значениями, превышающими единицу.

⁷ Критерий Бартлетта (англ. Bartlett's test) – статистический критерий, позволяющий проверять равенство дисперсий нескольких (двух и более) выборок. Нулевая гипотеза предполагает, что выборки получены из генеральных совокупностей с одинаковыми дисперсиями.

⁸ Критерий хи-квадрат – статистический метод, показывающий различия между фактическими данными в выборке и теоретическими результатами, предположенными исследователем.

Оптимально выделено три фактора, объясняющих 60,78% дисперсии. Модель удовлетворительна (рис. 1).

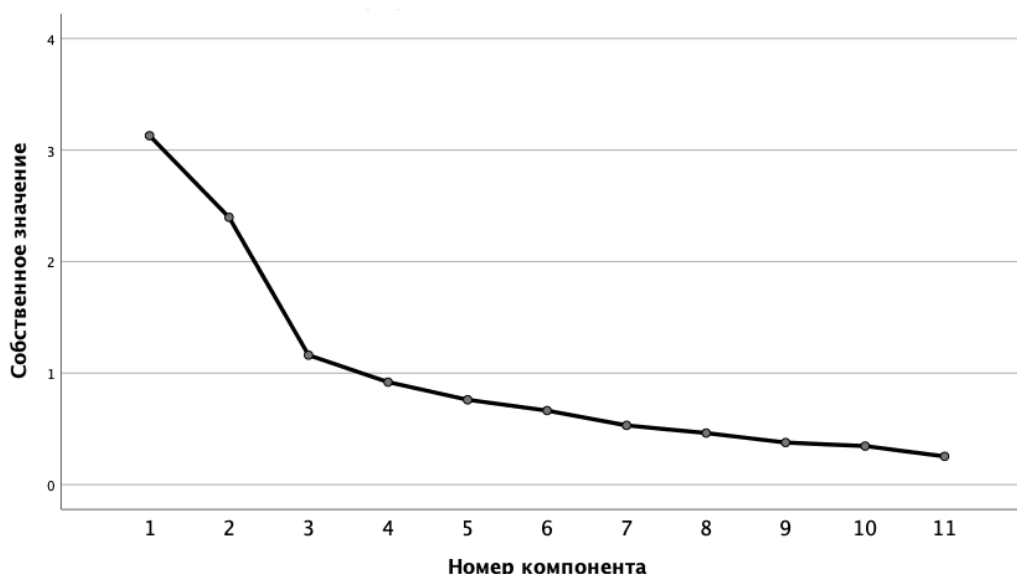

Рис. 1. График собственных значений

Для статистической обработки данных использовался факторный анализ с применением метода главных компонент (Principal Component Analysis, PCA⁹). Данный метод позволяет выделить наиболее значимые факторы из множества переменных, свести исходные данные к меньшему числу главных компонент и при этом сохранить максимум информации об их изменчивости. Суть PCA заключается в определении направлений (главных осей), вдоль которых вариация данных максимальна, что дает возможность выявить скрытую структуру взаимосвязей между переменными и представить их в более компактной форме.

На следующем этапе применялось вращение факторов для повышения интерпретируемости полученной факторной структуры. В качестве метода вращения использовался облимин (Oblimin) – косоугольное вращение, допускающее наличие корреляций между факторами. Такой подход является более гибким по сравнению с ортогональными методами (например, варимакс), поскольку отражает реальную взаимосвязанность психологических и социальных характеристик [9].

Для повышения корректности результатов анализа данных была проведена процедура нормализации (нормализация Кайзера), позволяющая устранить влияние переменных с высокой общностью. Процедура заключается в масштабировании факторных нагрузок каждой переменной относительно их суммарного вклада, что обеспечивает более сбалансированное распределение факторов. Этот метод позволяет выделить более четкие и независимые факторы, что значительно облегчает понимание и интерпретацию результатов исследования.

⁹ Метод главных компонент (Principal Component Analysis, PCA) – техника снижения размерности, трансформирующая сложный набор данных в простое представление путем выделения наиболее значимых направлений вариации.

Таблица 3. Матрица структуры исследования. Участники исследования оценивали изображения от 1 до 10, где 10 – максимально позитивное, а 1 – максимально негативное

№ п/п			Компонент		
			1	2	3
1		Неиспользуемое здание мануфактуры, окруженное металлическим забором	,774	-,167	-,250
2		Неэффективно используемые ветшающие фабричные корпуса	,861	-,144	-,202
3		Современный традиционный частный дом	,007	,432	-,570
4		Закрытое производственное пространство в центре города с примыканием к набережной	,457	,050	-,718
5		Стихийные ларьки	,301	-,017	-,623

6		Культурное наследие, нуждающееся в реставрации	,782	-,070	-,238
7		Современное парковое искусство	-,181	,862	-,054
8		Современное благоустройство набережной	-,124	,840	-,182
9		Общественное пространство в центре города с разнообразной культурной программой	-,104	,814	-,052
10		Отсутствие доступа к воде у прогуливающих вдоль набережной	,167	,029	-,764
11		Культурное наследие, нуждающееся в смене функции и реконструкции	,738	-,118	-,287

Фактор 1: «Депрессивное промышленное наследие» (рис. 2) подразумевает объекты, имевшие промышленную функцию в прошлом, но в настоящее время находящиеся в состоянии упадка и деградации. В рамках второго блока с изображениями под эту характеристику вошли: неэффективно используемые ветшающие фабричные корпуса, неиспользуемое здание мануфактуры с забором. Также в этот фактор в рамках социологического исследования вошло культурное наследие, нуждающееся в реставрации и культурное наследие, нуждающееся в смене функции, что говорит об идентичности восприятия респондентами таких объектов в городской среде.

Рис. 2. Пример, попадающий под критерии фактора «Депрессивное промышленное наследие»

Фактор 2: «Современные благоустроенные пространства» (рис. 3) подразумевает объекты, связанные с позитивными урбанистическими изменениями: парки, набережные, общественные зоны. Под эту характеристику попали: современное парковое искусство, современное благоустройство набережной, общественное пространство с культурной программой.

Рис. 3. Пример, попадающий под критерии фактора «Современные благоустроенные пространства»

Фактор 3: «Проблемы доступности и дисфункция пространств» (рис. 4) объединяет объекты с ограниченной функциональностью или доступом, а также «неоднозначные» элементы городской среды (стихийные ларьки, частные дома) и отражает критику городской среды. Под эту характеристику попали: отсутствие доступа к воде у набережной, закрытое производственное пространство в центре, современный традиционный частный дом, стихийные ларьки.

Рис. 4. Пример, попадающий под критерии фактора «Проблемы доступности и дисфункция пространств»

На основании анализа факторов выделяется корреляция данных со сведениями из первого блока опросника, на основании которого формируется социальный портрет респондента (Таблица 4).

Таблица 4. Корреляции факторов с социологическими показателями

			Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	Укажите, сколько Вам полных лет:	Коэффициент корреляции	-,003	,041	-,171**
		Знач. (двухсторонняя)	,950	,356	,000
2	Укажите Ваш пол:	Коэффициент корреляции	-,087	,115**	,012
		Знач. (двухсторонняя)	,051	,010	,796
3	Работаете ли Вы по специальности?	Коэффициент корреляции	-,159**	,037	-,028
		Знач. (двухсторонняя)	,000	,416	,538
4	У Ваших родителей есть высшее образование?	Коэффициент корреляции	-,021	,112*	-,025
		Знач. (двухсторонняя)	,640	,012	,582
5	Как Вы оцениваете район, в котором Вы живете?	Коэффициент корреляции	-,165**	,021	,105*
		Знач. (двухсторонняя)	,000	,632	,018
6	Стоимость жилья, в котором Вы проживаете:	Коэффициент корреляции	-,087	,021	,034
		Знач. (двухсторонняя)	,052	,642	,445
7	Хотели бы Вы переехать из города, в котором вы проживаете?	Коэффициент корреляции	,092*	-,001	-,091*
		Знач. (двухсторонняя)	,040	,990	,041
8	Есть ли у Вас автомобиль?	Коэффициент корреляции	,133**	-,063	,008
		Знач. (двухсторонняя)	,003	,159	,858
9	Считаете ли Вы свой город криминальным? Оцените по шкале от 1 до 10, где 1 – «не криминальный», а 10 – «криминальный»	Коэффициент корреляции	,021	-,111*	-,019
		Знач. (двухсторонняя)	,637	,013	,676
10	Как часто Вы используете общественный транспорт?	Коэффициент корреляции	-,113*	,077	-,026
		Знач. (двухсторонняя)	,012	,085	,562
11	Сколько раз в неделю Вы используете такси?	Коэффициент корреляции	-,097*	,023	-,053
		Знач. (двухсторонняя)	,030	,613	,239
12	Что бы Вы предпочли для жизни?	Коэффициент корреляции	,043	-,090*	,041
		Знач. (двухсторонняя)	,340	,044	,361

13	Хотели бы Вы сменить работу?	Коэффициент корреляции	,114*	-,022	,056
		Знач. (двухсторонняя)	,013	,632	,219
14	Тип образовательного учреждения, в котором Вы учитесь или учились:	Коэффициент корреляции	,027	-,051	,094*
		Знач. (двухсторонняя)	,547	,258	,036
15	Вы проживаете в (испытуемым требуется выбрать населенный пункт в соответствии с численностью населения)	Коэффициент корреляции	,175**	-,077	,071
		Знач. (двухсторонняя)	,000	,085	,113

Фактор 1 показал положительную корреляцию с вопросами, касающимися работы по специальности, желанием уехать из города, наличием автомобиля, желанием сменить работу, а также с городом проживания. Отрицательную – с вопросами, касающимися пола, использования общественного транспорта, использования такси.

Фактор 2 «Современные благоустроенные пространства» показал положительную корреляцию с вопросами, касающимися работы по специальности, желанием уехать из города, наличием автомобиля, желанием сменить работу, а также с городом проживания. Отрицательную – с вопросами, касающимися пола, использования общественного транспорта, использования такси.

Фактор 3 показал положительную корреляцию с вопросами, касающимися возраста, оценкой района проживания, желанием переехать и типа учебного заведения.

Обсуждение результатов

Результаты факторного анализа позволили выделить три ключевых измерения восприятия территориальной депрессивности: 1) депрессивное промышленное наследие; 2) современные благоустроенные пространства; 3) проблемы доступности и дисфункции пространства. Такая структура отражает многомерный характер взаимодействия человека с пространственной средой и демонстрирует роль урбанистических и социально-психологических факторов в формировании субъективного ощущения благополучия.

Анализ корреляций между социально-демографическими характеристиками респондентов и факторами восприятия территориальной депрессивности выявил значимые различия между социальными группами. Это согласуется с положениями теории социального пространства П. Бурдьё о том, что восприятие среды опосредовано культурным и экономическим капиталом индивида [8].

При анализе первого фактора «Депрессивное промышленное наследие» были получены следующие результаты:

- мужчины несколько чаще обращают внимание на неиспользуемое промышленное наследие;
- люди, не работающие по специальности, чаще отмечают депрессивное наследие;
- те, кто хочет уехать из города, сильнее воспринимают промышленную депрессию;
- владельцы авто чаще отмечают проблему наличия в городе неиспользуемого промышленного наследия, предположительно из-за частых перемещений по городу;
- частые пользователи общественного транспорта реже фиксируют эту проблему;
- редкие пользователи такси чаще отмечают депрессивные зоны;
- желающие сменить работу чаще воспринимают промышленный упадок и наличие неиспользуемого промышленного наследия;
- чем крупнее город проживания, тем более чувствительны жители к проблемам депрессивного промышленного наследия.

При анализе второго фактора «Современные благоустроенные пространства» были получены следующие результаты:

- женщины чаще положительно оценивают благоустроенные пространства;
- респонденты с родителями, имеющими высшее образование, чаще ценят современные зоны;
- те, кто считает город безопасным, чаще отмечают благоустроенные пространства как важный фактор качественной городской среды.

При анализе третьего фактора «Проблемы доступности и дисфункция пространств» были получены следующие результаты:

- молодые респонденты чаще отмечают проблемы доступности;
- чем выше оценка своего района, тем меньше видят дисфункций;
- желающие уехать чаще сталкиваются с проблемами доступности;
- учившиеся в вузах чаще отмечают дисфункции.

Это подтверждает ранее проведенные исследования. Например, исследование Нартова-Бочавер, Резниченко, Северьянова [10] показывает связь между показателями дистресса и субъективно воспринимаемыми качествами городской среды, а также то, что факторы устойчивости к городскому стрессу связаны не только с качествами городской среды, но и с личностными особенностями и другими ресурсами стрессоустойчивости. Примечательно, что авторы выделяют: пол и возраст оказывают большее влияние на эмоциональное благополучие, чем характеристики городской среды. Также выявлено, что насыщенная культурная жизнь района проживания снижает стресс сильнее у женщин, чем у мужчин. Это может быть связано с различиями в паттернах использования городского пространства и социальных практиках мужчин и женщин.

Особое значение полученные данные приобретают при анализе различий между социальными группами. Было показано, что социально нестабильные группы (без работы по специальности, желающие сменить работу/город) проявляют значительно более высокую чувствительность к депрессивным территориям. Для них визуальные образы заброшенной промышленной застройки или пространств с нарушенной функциональностью выступают факторами, усиливающими ощущение тревожности, неустойчивости и социальной изоляции. Это может быть связано с феноменом «проекции» собственного неблагополучия на окружающую среду, описанным в социально-психологических исследованиях.

Проблемы доступности острее воспринимаются молодежью и жителями «неудобных» районов. Это также выделяется в исследовании Osman, Abdel-Salam, Saadallah [11], где на основе опроса показано, что участники с низким уровнем дохода имеют больше потребностей в открытых пространствах, зелени и парках. И то, что люди с низким уровнем дохода чаще посещают общественные пространства, может вызывать неудовлетворенность жизнью.

Выявленная связь между восприятием криминальности города и оценкой благоустроенных пространств указывает на важность фактора безопасности в формировании позитивного восприятия городской среды. Это соотносится с концепцией «права на город», которая включает право на безопасное и комфортное городское пространство [12]. Территориальная депрессивность может рассматриваться как проявление неравенства в доступе к качественной городской среде, что актуализирует вопросы социальной справедливости и инклюзивности городского развития [6].

В то же время представители более устойчивых социальных групп (например, с высоким уровнем образования, стабильной занятостью и доступом к современным инфраструктурным благам) продемонстрировали более сбалансированное восприятие. Они чаще отмечали положительное влияние благоустроенных пространств и были менее склонны интерпретировать территорию через призму депрессивности. Современные пространства ценятся женщинами и людьми с высоким культурным капиталом

(образование родителей). Как, например, в исследовании Li J., Koohsari M.J., Zhao J. и др. [13] был проведен анализ, в выборке которого преобладали испытуемые с высшим образованием. На основе этого было выделено, что образование влияет и напрямую, через когнитивные и культурные установки, и косвенно, через доход, социальный статус, среду проживания). Это, учитывая более сбалансированную выборку в нашем исследовании подтверждает гипотезу.

Выявленные факторы отражают не только объективные характеристики городской среды, но и социально-психологические механизмы восприятия. Депрессивное промышленное наследие становится символом социального упадка и стагнации для уязвимых групп. Современные благоустроенные пространства формируют контрастное ощущение социальной дифференциации, а проблемы доступности и дисфункции особенно остро воспринимаются теми, кто уже ограничен в социальных и материальных ресурсах.

Выводы

Проведённое исследование по определению того, что именно считается депрессивным в городской среде, подтвердило, что территориальная депрессивность является многомерным феноменом. Основными показателями, показавшими взаимосвязанность на основании проведенного социологического опроса, являются следующие факторы: депрессивное промышленное наследие, наличие в городе современных благоустроенных пространств и проблемы доступности и дисфункции. В рамках проведенного социологического исследования эти факторы показывают точки восприятия, являющиеся основой для определения жителем населенного пункта территории либо депрессивной, либо позитивной.

Социально нестабильные группы населения демонстрируют более высокую чувствительность к депрессивным территориям, что указывает на зависимость восприятия среды от социального статуса и уровня благополучия.

Обнаруженные различия в восприятии позволяют рассматривать территориальную депрессивность как индикатор социального неравенства. Для социально устойчивых групп среда выступает преимущественно как ресурс, тогда как для социально нестабильных – как источник дополнительных угроз.

Полученные результаты имеют практическую значимость для психологии городской среды и социальной политики. При проектировании и благоустройстве территорий необходимо учитывать различия в восприятии пространства разными категориями населения, что позволит снизить уровень территориальной депрессивности и укрепить социальную устойчивость.

Источники иллюстраций

Рис. 1. Авторская схема.

Рис. 2-4. Фото автора.

Таблица 1. Рис. п. 1-6, 11. Фото автора; п. 7. URL: https://happylove.top/uploads/posts/2023-05/1685432053_happylove-top-p-samii-krasivii-park-v-rossii-krasnodar-pin-19.png (дата обращения: 10.10.2024); п. 8. URL: https://prorus.ru/_manager/files/5ef/def73ae3aa/mzf-3658-44660791914-o.jpg (дата обращения: 10.10.2024); п. 9. URL: https://prorus.ru/_manager/files/5f5/f2a883f485/Main%20Stage-Photo%20Katya%20Nikitina-2019-result.jpg (дата обращения: 10.10.2024); п. 10. URL: https://ic.pics.livejournal.com/michailov_na/77644773/1821173/1821173_2000.jpg (дата обращения: 10.10.2024).

Список источников

1. Капцевич О.А. Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С.575-597. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2021/10/11/1462321620/18-03-2021_orig-151-173.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
2. Филиппов А.Ф. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. Т.8. 2009. №3. С. 3-15. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211855537/8_3_1.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
3. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2008, № 5, с. 329-335. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/silhj6x1cl/direct/63536103> (дата обращения: 13.09.2025).
4. Баранова В.А. Место для подростка: потребности подростка и городская среда // Новые психологические исследования. 2024. № 2. С. 217-221. DOI: 10.51217. URL: <https://newpsyresearches.ru/storage/ud9m6wVUkFJSzpT0slu5Qza9A8DFJULKVnIxlknq.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).
5. Антонова Н.Л. Городской активизм молодёжи: практики и барьеры/ Н.Л. Антонова, С.Б. Абрамова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 96-102. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2021-2/_2021_2_96-103.pdf (дата обращения: 20.09.2025).
6. Бернюкевич Т.В. Современные городские практики: социально-политические аспекты // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 6. С. 37-44. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-6-37-44. URL: https://zabvestnik.com/wp-content/uploads/040722060752-vestnik%20_6_22%20-37-44.pdf (дата обращения: 11.09.2025).
7. Лефевр А. Право на город // Экономическая социология. 2023 Т. 24. № 1. С. 55-70. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/01/30/2042991445/ecsoc_t24_n1.pdf#page=55 (дата обращения: 16.09.2025).
8. Стаселько К.И. Социология литературы Пьера Бурдьё // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 259-266. URL: <https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2017/08/socalm2017.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).
9. Costello Anna B. & Jason Osborne (2005). Best practices in exploratory factor analysis: four recommendations for getting the most from your analysis // Practical Assessment Research & Evaluation. 2005. Vol. 10 №7. URL: <http://pareonline.net/getvn.asp?v=10&n=7> (дата обращения: 09.11.2025).
10. Нартова-Бочавер С.К. Городской стресс и его предикторы: психологическое исследование / С.К. Нартова-Бочавер, Е.Д. Северьянова, С.И. Резниченко // Городские исследования и практики. 2023. Т.8. №1. С. 74-88. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/18787/16384> (дата обращения: 21.09.2025).
11. Menatallah O. The Influence of Users' Socio-Economic Background on the Perception and Involvement of Urban Spaces / O. Menatallah, H. Abdel-Salam, D.M. Saadallah // REAL CORP 2021: CITIES 20.50. pp. 877-890. URL: https://archive.corp.at/cdrom2021/papers2021/CORP2021_45.pdf (дата обращения: 24.09.2025).

12. Вершинина И.А. Анри Лефевр: от "права на город" к "урбанистической революции" // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48-60. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/393/279> (дата обращения: 25.09.2025).
13. Li J. The impact of objective urban features on perception of neighbourhood environments / J. Li, M.J. Koohsari, J. Zhao, A.T. Kaczynski, G.R. McCormack, K. Oka, T. Nakaya, R. Tanimoto, R. Watanabe, T. Hanibuchi // SciRep 15, 30322. 2025. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-025-16108-z> (дата обращения: 01.10.2025).

References

1. Kaptsevich O.A. Psychological Effects of Urban Environment Visual Perception: A Systematic Review. Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 2021, no. 3, pp.575-597 Available at: https://psy-journal.hse.ru/data/2021/10/11/1462321620/18-03-2021_orig-151-173.pdf
2. Filippov A.F. The Applied Sociology of Space. Sociological Review, vol. 8, 2009, no. 3, pp. 3-15. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211855537/8_3_1.pdf
3. Chernyavskaya O.S. Social space: a review of theoretical interpretations. Sociology. Psychology. Philosophy. Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University, 2008, no. 5, pp. 329-335. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/silhi6x1cl/direct/63536103>
4. Baranova V.A. A place for a teenager: the needs of a teenager and the urban environment. New psychological research, 2024, no. 2, pp. 217-221. DOI: 10.51217. Available at: <https://newpsyresearches.ru/storage/ud9m6wVUkFJSzpT0slu5Qza9A8DFJULKVnIxlkng.pdf>
5. Antonova N.L., Abramova S.B. Urban youth activism: practices and barriers. Ojkumena. Regional researches, 2021, no. 2, pp. 96-102. Available at: https://ojkum.ru/images/articles/2021-2/2021_2_96-103.pdf
6. Bernyukevich T.V. Modern urban practices: socio-political aspects. Transbaikal State University Journal, 2022, vol. 28, no. 6, pp. 37-44. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-6-37-44. Available at: https://zabvestnik.com/wp-content/uploads/040722060752-vestnik%206_22%20-37-44.pdf
7. Lefebvre A. The right to the city. Economic sociology, 2023, vol. 24, no. 1, pp. 55-70. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/01/30/2042991445/ecsoc_t24_n1.pdf#page=55
8. Staselko K.I. Sociology of literature by Pierre Bourdieu. Sociological Almanac, 2017, no. 8, pp. 259-266. Available at: <https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2017/08/socalm2017.pdf>
9. Costello, Anna B. & Jason Osborne (2005). Best practices in exploratory factor analysis: four recommendations for getting the most from your analysis. Practical Assessment Research & Evaluation, 2005, vol. 10, no. 7. Available at: <http://pareonline.net/getvn.asp?v=10&n=7>
10. Nartova-Bochaver S.K., Severyanova E.D., Reznichenko S.I. Urban stress and its predictors: a psychological study. Urban research and practice, 2023, vol. 8, no. 1, pp. 74-88. Available at: <https://usp.hse.ru/article/view/18787/16384>
11. Menatallah O., Abdel-Salam H., Saadallah D.M. The Influence of Users' Socio-Economic Background on the Perception and Involvement of Urban Spaces. REAL CORP 2021:

CITIES 20.50, pp. 877-890. Available at:

https://archive.corp.at/cdrom2021/papers2021/CORP2021_45.pdf

12. Vershinina I.A. Henri Lefebvre: from the "right to the city" to the "urban revolution. Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 48-60. Available at: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/393/279>
13. Li, J., Koohsari, M.J., Zhao, J. et al. The impact of objective urban features on perception of neighbourhood environments. SciRep 15, 30322, 2025. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41598-025-16108-z>

ОБ АВТОРАХ

Анисимов Денис Владимирович

Аспирант кафедры «Градостроительство», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

anisimov.arch@gmail.com

Анастасия Денисовна Морковина

Магистр психологии, Москва, Россия

anastasiamorkovina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anisimov Denis V.

Postgraduate Student of the Department of Urban Planning, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

anisimov.arch@gmail.com

Morkovina Anastasia D.

Master's Degree in Psychology, Moscow, Russia

anastasiamorkovina@yandex.ru